

Андрей Белянин

Лана ..

поэма о высшей любви

Андрей Белянин

Лана

«Автор»

2009

Белянин А. О.

Лана / А. О. Белянин — «Автор», 2009

Лана – древнее, мистическое имя, символ таинств языческой веры, воплощение Великой праматери Природы, тихая лань с христианским крестом меж рогов... Она же – современная девушка, прошедшая страшный путь предательства и боли, продавшая душу дьяволу и вечно обречённая платить по счетам собой. Но только ей дано встать поперёк воли самой Астарды, остановить неугасимую ненависть буддистского бога войны Махагалы, выдержать взгляд мёртвых глаз барона Унгерна и вступить в нереальную борьбу двух сердец за могилу Антихриста, скрытую в прикаспийских песках... Лана – поэма о высшей любви!

© Белянин А. О., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Андрей Белянин

Лана

Часть первая

Лана

Ее звали Лана. Девушка, продавшая душу. Она появилась в моей жизни без предупреждения и исчезала так же, без объяснений, без телефонного звонка, без коротенькой sms-ки с грустным смайликом после виноватого «прости».

Я по сей день не знаю, кто или что послало нас друг другу. Меня пригласил на чашку кофе один из моих многочисленных знакомых, я пришел, за столиком вместе с ним сидела удивительная девушка. Слово «удивительная» я могу смело взять в кавычки, все равно оно ни в коей мере не передавало того впечатления, которое она на меня произвела.

Красивая? Да, несомненно. Она была очень красивой даже для «белой чаши» нашего города, где красота девушек смешанной крови давно стала общепризнанным лейблом, не вызывающим ни сомнений, ни вздоха умиления. Просто факт, не в большей мере, чем розовое цветение абрикоса или кружение первого снега над золотыми куполами кремля. Тут уж все зависит от вашей личной романтической настроенности и обостренного чувства прекрасного. Думаю, и то и другое у меня гипертрофированно, а значит, нездорово, но тем не менее я попытаюсь ее описать.

Во-первых, глаза... Их принято называть зеркалом души, хотя объективно это всего лишь естественные окуляры, данные нам природой как аппарат зрения. Мне ее глаза на какой-то миг тоже показались зеркалом. Но зеркалом моей души! Понимаете, не ее, а моей. Наши взгляды встретились лишь на долю секунды – импульс, вспышка, лязг клинков, рождение сверхновой... Не знаю...

Больше всего это походило на то, каким бы я мог увидеть себя в отражении призмы собственного придирчивого взгляда – в полный рост, голым, беззащитным и максимально раскрытым. Мы часто умудряемся обманывать самих себя. Лстить себе, прощать плохие поступки, оправдывать дурные мысли, жалеть, то есть при любой ситуации наполнять свой внутренний кокон жалостью, кутаясь в нее, словно в негу. Испытывая при этом довольно искренний стыд, но все равно наслаждаясь. Жалость к себе, наверное, это еще один грех, забытый Моисеем, а может быть, просто утраченный при попытке восстановить разбитые им скрижали...

Так вот, в ее глазах отразился весь мир моей души. То, что она продала свою, я в то время не знал. Впрочем, не уверен, что это знание могло бы фатально изменить предварительную расстановку фигур на игровой доске или первый расклад карт. Лана не делала ничего, чтобы привлечь меня. Она предоставила мне самому возможность выбора судьбы и через некоторое время, тихо попрощавшись со всеми, исчезла из моей жизни на два года.

Два бесконечно долгих года я помнил лишь ее имя и то странное ощущение зеркала, едва не затянувшего меня в иной, запредельный мир. Мир, где мистические тайны настолько просты, что понятны лишь посвященным, а научные знания так сложны, многоступенчаты и противоречивы, что сворачивать себе мозги нет ни времени, ни желания...

Через два года, едва ли не в то же время, она подошла к столику в кафе, где я сидел с тем же другом, и на этот раз мы с ней оба знали – нам нужен любой, самый надуманный, пустячный повод, чтобы назначить встречу и не расставаться, пока...

Пока. Знаковое слово, дарующее надежду, но никогда не оставляющее гарантий. До нашего первого поцелуя оставались еще очень долгие дни, но ни я, ни она не были намерены бороться с неизбежным, мы просто приняли друг друга как данность.

Наши уроки начались одновременно, с той первой встречи, два года назад. Разница лишь в том, что она отлично знала, что это урок, а я не понимал, чему меня учит жизнь. Возможно, поэтому какие-то элементарные вещи мне приходилось вдалбливать дважды. И это была очень жесткая школа, где плата за плохую оценку взималась безжалостно, причем с пас обоих. Зато и свой первый переход мне оказалось не нужно запоминать специально – я провалился в тот миг, когда коснулся ее губ...

«Лана-лана, ланг-ланг! Лана-ла-на-ланг!» – тускло звенели гнутые азиатские бубенчики. Мой казачий конь неся вперед маршевой рысью, гордо задирая голову над низкорослыми лошадами монголов. Я знал, что они боятся смотреть в мою сторону, и это веселило. Привкус соленой пыли на губах напоминал вкус крови. Цэрики искренне считали, что я пью ее каждый день...

Нет, мне кажется, тогда я не потерял сознания. Возможно, даже не почувствовал, как с ее губ что-то вошло в мои и на первом же вдохе проникло внутрь, изменив меня. Незаметно, без боли, скользящим лезвием опасной бритвы, косо ласкающей горло. Я не слышал хруста разрезаемой плоти, из поврежденной гортани не вырвалось свищущее тепло, и рубашку не залило красным. Это было бы слишком просто, ее урок был иной – и тоньше и откровеннее.

Впрочем, если бы я тогда знал, как часто она сама стояла на той грани, где собственное перерезанное горло является единственной лучистой улыбкой всем проклятиям этого мира, я бы...

Я не осуждал ее за то, что она сделала со мной. Не осуждал, частично из высокомерия и, может быть, гораздо более из-за наивности. Или глупости! Возможно, это будет честнее...

Зло, лежащее на поверхности бытия, безобразно, в какие бы красивые философские откровения ни облекала его человеческая трусость. Но глубинное Зло, тайное, не видимое глазом, не осязаемое руками, страшно именно тем, что путь к его познанию заворачивающе долог...

Так начались дни, месяцы и годы моего обучения. Я раскрывал ей душу, а она, вооружась циркулем и резинкой, кроила в ней какие-то собственные схемы, решала свои уравнения, доказывала непрописные истины и каждый раз заставляла меня начинать мою жизнь с чистого листа. Тот, что она считала испорченным, навеки исчезал в топке ее презрительного взгляда, хороших отметок я не получал никогда, а ее уроки были порой абсолютно бесчеловечны. И полем битвы служила только моя душа, потому что душа Ланы была уже проиграна. Тогда я еще не знал, КОГО она хочет из меня воспитать и ее ли это желание...

Она раскрывалась не сразу, если, разумеется, раскрывалась вообще хоть кому-нибудь. Ее рассказы о себе были одновременно предельно шокирующими и максимально откровенными. Каждый раз она словно искушала меня – а смогу ли я и дальше общаться с человеком, прошедшим такую грязь, совершившим страшные поступки, не ведающим различия между болью и лаской, отвергающим любую человеческую мораль и принимающим лишь один закон – Космического Сверхаб-солюта!

Примерно в этом ключе и велись наши беседы. Обычно я заказывал столик в угловом отделении маленького полуподвального кафе, где посетителей было немного, она скидывала под столом обувь и забиралась на скамью с ногами, на нас не обращали внимания, и говорить можно было почти обо всем...

- Давай по порядку. Кто сотворил мир?
- Господь Бог, – послушно отвечал я.
- Хорошо, а кто сотворил Бога?

– Никто. Бог был, есть и будет всегда. Он связующая суть мироздания и само мироздание.

– Как еще мы можем называть Бога?

– Как угодно – Святой Дух, Отец Вседержитель, Иегова, Аллах и его девяносто девять «имен», а еще...

– Стоп, ошибка! Я не имею в виду его «имена», попробуй обозначить сущность Бога.

– Некий глобальный Абсолют, подойдет?

– Вполне. А что над Абсолютом? – спрашивала она, пригубив красное вино. Мой фужер оставался почти нетронутым...

– Ничего. Как над вечностью может быть сверхвечность?

– Легко. Если мы подразумеваем, что бесконечность не имеет конца, то из какой исходной точки мы отсчитываем эту самую бесконечность, чтобы доказать самим себе ее реальность? Так и с Абсолютом. Мы знаем о нем лишь потому, что он познаваем нами. Если же это и есть Бог, то он, по определению, всемогущ. Ему подвластно все в созданном им мире. Он вершина добра и зла, альфа и омега, начало и конец.

– Подожди, но ведь тогда получается, что...

– Есть возможный Сверхабсолют, для которого понятий добра и зла, как божественных, так и человеческих, не существует. Он выше их. Он не вмешивается в нашу жизнь, он просто есть, без ограничений и условий, объяснений, умствований и всех прочих попыток понимания.

– Но все мировые религии отвергают это!

– Правильно, умничка, – впервые улыбнулась она. – Любая религия создана для того, чтобы объяснить человеку существующий мир и облегчить возможность выживания в социуме. У меня другие цели, я ничего тебе не облегчаю...

На каком-то этапе я поймал себя на ощущении, что ей просто не хватает слов. Либо те слова, с которыми она ко мне обращалась, были слишком символичны, либо слишком просты, что, по сути, подразумевало трактовку двух, а то и трех взаимопротиворечащих выводов одновременно. Привычные взгляды рушились, мы не находили понимания именно потому, что мое собственное образование услужливо подсовывало целый пласт давно доказанных решений, напрочь уводя от того единственно верного пути, о котором она пыталась мне рассказать...

– Ты всегда смотришь мне в глаза, почему?

– Не знаю, – уже привычно подразумевая в ее вопросе подвох, попытался честно ответить я. – Они как зеркало.

– Ты смотришь в мои глаза и видишь там свое отражение, так?

– Да.

Но свое отражение ты можешь видеть в чьих угодно глазах. Более того, на глади воды, в стекле автомобиля, на лезвии ножа, на экране сотового телефона... да где угодно. Что же тогда ты ищешь в зеркале именно моих глаз?

Свое отражение я могу видеть везде, это верно, – осторожно начал я, мягко накрывая ее ладони своими. – Понял! Я не ищу в них отражения, я ищу в них себя! Свою душу, а не тело.

– Откуда узнал? – второй раз улыбнулась она.

– Руки... – прозрел я. – Когда ты просто говоришь со мной, я понимаю примерно половину. Включается логика, здоровый скептицизм, знания, книги, авторитеты, да все, чем набита моя голова. А когда информация течет через кончики твоих пальцев, я словно вижу тот образ, что вспыхивает у тебя в мозгу, и уже не нуждаюсь в объяснениях.

Лана на мгновение опустила веки. Длинные загнутые ресницы сомкнулись и разомкнулись едва ли не с металлическим лязгом, как поднятые ворота средневековой крепости. Я замер. Наши пальцы вновь соприкоснулись. Я привстал и уверенно коснулся губами ее губ. Теплых-теплых...

– Правильно?

– Да. Но в следующий раз соображай быстрее...

Я шел не сгибаясь, в полный рост, с высоко поднятой головой, на ходу скручивая гра-
ненный штык с винтовки, как это делали более опытные бойцы. Раскаленный запах шимозы
першил в горле, слева и справа от меня падали люди, ружейный огонь противника был необы-
чайно плотным, и стрелять эти узкоглазые мерзавцы умели не хуже нас. Разорвавшийся рядом
снаряд (наш снаряд!) взрыл землю, накрыв меня горячей волной песка и грязи, а бежавшему
рядом добровольцу сорвало половину головы. Он умер мгновенно, ничком упав вбок, и его
черная кровь, брызнув во все стороны, залила мне правую руку. От всего полка едва ли оста-
валось две сотни человек.

– Не останавливаться! – кричал я.

Наши бежали молча. Так же молча, в тихой звериной ненависти, мы бросились на оше-
тинившиеся сталью окопы японцев. На каждый русский штык – четыре их. Шанс один – брать
винтовку за дуло, как дубину, и крушить врага размашистыми движениями приклада. Глухие
удары, раскалывающие черепа, крики боли, никаких «ура» или «банзай», ни пленных, ни ране-
ных, только смерть, нечеловеческий оскал лиц, прокушенные в ярости губы...

Помню лишь тяжелые руки сибирцев, трясущих меня за плечи:

– Все уж, полно. Успокоился бы, барин.

– Я не барин, я – барон...

Искать ее было бесполезно, она появлялась сама, как кошка, когда была голодна или
когда ей было необходимо мое тепло. Нет, не тепло тела, вряд ли у такой красавицы могли быть
серьезные проблемы с нехваткой мужчин, по-моему, последних вокруг нее крутилось даже в
избытке.

Я ревновал и не ревновал одновременно. Периодически накатывающая тупая, давящая
боль разминала мое сердце, как ком глины. Я писал ей гневно-пышущие sms, пытался звонить,
намеренно обидеть или задеть, но в большинстве случаев все это не достигало цели. Думаю,
если бы мне пришлось умереть у нее на глазах, то она, скорее всего, просто перешагнула бы
через мое тело, как через пройденную ступеньку в своем духовном росте.

Смысл ее жизни заключался в постоянном получении неких всплесков энергий – боли,
радости, любви, предательства, и она искренне пробовала на вкус каждое новое ощущение.
Все, что делало ее счастливой или, наоборот, убивало последнюю радость, всегда рассматрива-
лось сквозь призму полученного урока, а важность его значения определялась больше оттен-
ками, чем четкой градацией добра и зла...

Примитивность решения Лана презирала. Пошлая схема «в каждом зле есть частичка
добра, в каждом добре есть частичка зла» могла вызвать у нее лишь раздраженный щелчок
языком. Она слишком хорошо, на своей собственной шкуре понимала разницу между тем и
другим, а потому стремилась успеть вырваться в тот Абсолют, который над ними, не смешива-
ющий два этих полюса для оправдания собственной низости и беспомощности. Продав душу,
она навеки потеряла выстраданное общечеловеческое право заигрывать с тем и с другим...

...В тот день я первый раз пришел к ней в дом. Меня не приглашали. Да и день сам
но себе не нес никаких знаковых символов. Пишу об этом совершенно уверенно, ибо за те
несколько месяцев, что мы были вместе, я научился если и не разгадывать тайные знаки, то
довольно четко ощущать их присутствие.

Лана не отвечала на звонки.

Хотя вот буквально вчера мы сидели в нашем кафе и она, смеясь, раскинула мне карты.
Стандартные расклады цыганского гадания, половину я мог бы предсказать сам, что-то заста-
вило задуматься, во что-то не поверил вовсе, но не в этом суть. А в том, что утром я проснулся
и...

Нет. Нет, опять все не так. Я хотел ее видеть. Это как раз понятно как нечто само собой разумеющееся и не вызывающее удивления. Удивительными были мои последующие поступки. Я купил саблю. Отметьте, я впервые шел в дом к девушке и нес ей не цветы, не конфеты и не вино, а саблю. Очень красивую, чуть изогнутую, в ножнах, с израильской вязью по клинку. Нашел улицу и двор, до которого провожал ее раньше. У разбитых ворот нетрезвый бугай, косясь на меня, мрачно спросил, какого мне тут надо, но, едва услышав ее имя, вежливо отвалил, ткнув пальцем в нужную дверь.

Она встретила меня на верхней ступеньке лестницы старого купеческого особняка, поделенного советской властью на десяток маленьких квартирок. На ней была длинная зеленая футболка и короткие шорты из стиранных, обрезанных джинсов, а волосы по-домашнему зашпигнуты на затылке простой пластмассовой заколкой.

Тявкала маленькая собачонка, а я вдруг словно споткнулся обо что-то. Просто стоял внизу и смотрел на нее, не в состоянии сделать ни шага. Это было именно физическое препятствие, барьер, защита от незваного гостя или нечто подобное, а она только молча глядела на меня сверху, не делая ровно ничего, чтобы помочь.

Первый шаг на ступеньку был похож на выдергивание ноги из болота, второй едва не сорвал мне кожу с лодыжки, и это не было иллюзиями в стиле Ричарда Баха. Я стиснул зубы и шел. Восемь ступеней – нарастающая боль, скрип зубов, тяжелое дыхание... Одиннадцать – раскаленные иглы, пронзающие все тело и колко отзывающиеся резью в висках...

На тринадцатой она улыбнулась, распахнула руки и, целуя меня, дурашливо рассмеялась:

– Ой мама, какие люди – и к нам?!

– И шо еще, кто там, Ланочка? – с певучим еврейским акцентом спросил женский голос.

А она на миг прижалась щекой к моей груди и тихо сказала:

– Все-таки ты смог это сделать, ты пришел...

– Увы, господин главнокомандующий, приходится признать, что забайкальские казаки не идут ни в какое сравнение с альпийскими стрелками германцев.

– Вы несете чушь, господа! – Я не сразу узнал свой голос. Но Петр Николаевич с интересом обернулся в мою сторону. Его пронизательный взгляд сразу отметил мой потрепанный мундир казачьего сотника.

– Плевать, если барона что-то не устраивает, пусть он скажет мне в глаза!

– Будьте любезны, объяснитесь...

– Забайкальцы и уссурийцы – природные охотники. Они годами ловят перебежчиков-хунхузов и приспособлены для войны в условиях лесистых гор как ни одно другое казачье войско.

– В чем же причина?

– В лошадях... – Видя, что меня просто не понимают, я попытался как можно доступнее объяснить очевидное: – Казаки привязаны к своим лошадям. А лошади у нас голодают, забайкальцы тащат им любую траву, пару раз даже вспыхивали драки за жалкие стога сена, оставленные неприятелем. Я прошу отправить всех лошадей в тыл, все равно в данных условиях мы не можем обеспечить их прокорм. Но казаки, уверенные, что их кони в безопасности, а также в том, что теперь некуда и не на ком отступить, будут драться с куда большим пылом. Поверьте моему опыту японской войны – забайкальцы покажут себя так, что альпийские стрелки вообще позабудут, как их зовут и зачем призвали!

– А если вы окажетесь неправы?

– Я живу на передовой. Меня не надо долго искать, господин главнокомандующий...

... Не прошло и недели, как моя правота стала очевидной для всех. Спешенные казаки, уверясь в безопасности и комфорте своих лошадей, так потеснили немцев, что барон Врангель отдал приказ о наступлении и впервые за много недель сам император прислал нам всемиростивейшее удовлетворение темпами продвижения русских войск в глубь Германской империи!

До того события, как я был награжден золотым Георгиевским оружием за личную храбрость и повышен в чине, оставались считанные дни...

Невыносимая головная боль взорвала затылок изнутри, а потом на меня обрушилась черная пелена. Матово-черная, нереальная, без единого проблеска, без цветных искорок и разноцветных кругов, какие видишь в детстве, когда, смеясь, зажмуриваешься изо всех сил, но солнце все равно щекочет трепещущие веки...

– Все хорошо, милый...

Я лежал головой на ее коленях. Боль исчезла так же мгновенно, как и пришла, прохладные пальцы нежно коснулись моего лба, а ее удивительные глаза были так близко...

– Ты пришел.

– В себя?

– И в себя тоже, но это отдельная тема. Ко мне почему пришел?

– Потому что ты пропала. Просто ушла в никуда, и я не мог докричаться до тебя ни вчера вечером, ни сегодня утром. Что-то случилось?

– Да.

Это из-за вчерашнего гадания? – Я приподнялся и сел, прямо глядя на нее. Если кто-то считает, что ненакрашенная и непричесанная женщина непривлекательна, то он вообще ничего не понимает в женщинах...

– Вчера в твоём раскладе выпала смерть. Ты умрешь, если останешься со мной.

– Почему?

– Этого я пока не могу тебе сказать. – Она отвернулась.

– Но ты знала, что я все равно найду тебя.

– Я могла только верить в это. Ты ни во что не замешан, ничем мне не обязан, и у тебя еще есть выбор. Я загадала, что если ты сам придешь ко мне и в руках у тебя будет оружие, то... – Пальчик Ланы осторожно коснулся узкого лезвия сабли. – Красивая... и опасная.

– Как и ты. Хочешь, научу?

Она радостно кивнула. А я в очередной раз поймал себя на том, что лично меня никто и никогда не учил владеть клинковым оружием. Я просто умел это. Всегда. Может быть, даже до моего рождения.

Рукоять привычно легла в ладонь, я удерживал саблю двумя пальцами, средним и безымянным. В разное время мне приходилось брать клинок в присутствии отпетых ролевиков, опытных тренеров или каскадеров. Это были те случаи, когда ничего не приходилось объяснять, язык оружия понятен без слов любому.

Но сегодня не это было главным, не то, как клинок лежит в руке, не то, как я держусь или какое впечатление производит взрослый мужчина, агрессивно размахивающий отточенной полосой стали в ограниченном пространстве почти круглой комнаты с низким лепным потолком, старым книжным шкафом, диванчиком, зеркалами, креслами, кружевными салфетками, дешевыми статуэтками, черно-белыми фото на стенах, детскими игрушками, посудой и той милой, пустой мещанской мелочью, которая сразу делает дом – домом. То есть местом, где человеку уютно и хорошо, где ему тепло и можно дышать, где вкусен даже остывший чай, где солнечный свет похож на стихи Фета, а темнота многозначительно кутается в мягкую шаль давно угасшей любви...

Важным был лишь следующий шаг.

– Поздравляю вас, – глядя мне прямо в глаза, без перехода темы, объявила Лапа, выбрасывая из колоды первую карту. – Мужчина, вы отец моего будущего ребенка!

...Я не принял русскую революцию. Как не принял бы ее любой честный офицер и просто порядочный человек.

Император Николай в очередной раз продемонстрировал свою слабость, покорность року и обстоятельствам, но не мне его судить. По улицам Петрограда шло разнузданное пьяное быдло с красными бантами на груди. Особенно ими кичились первые дезертиры с фронта, они же без проволочек ставили к стенке боевых офицеров с Георгиевскими крестами.

Я уехал в Ревель, к своим эстляндским родственникам. Россию начинало захлестывать черное безумие Гражданской войны, но здесь еще было относительно спокойно. Мы с братьями обсуждали возможность уйти на Дон к генералу Корнилову, но судьба решила иначе. В тот день я узнал, что некий атаман Семенов собирает добровольцев для войны с красными в Забайкалье...

– Расскажите поподробнее, не тот ли это Семенов Григорий Михайлович, бывший сотник 1-го Нерчинского казачьего полка? Помнится, он еще писал письма Керенскому о создании смешанной гвардии из монголов и бурят, лелея идею спасения России инородцами. Я знал его по Карпатам, мы даже были дружны.

– Тот самый. Но Забайкалье так далеко, барон...

...Спустя месяц я, уже в Маньчжурии, с белым эмалевым крестом на груди и золотым наградным оружием, пожимал крепкую руку моего боевого товарища. Семенов искренне предложил мне должность, соответствующую моим есаульским погонам, я был назначен комендантом станции Хайлар и военным советником при монгольском князе Фушенге. Прошло не так много времени, чтобы он понял, кто стал истинным командиром его войск...

– Язык понимаешь, Будду почитаешь, воевать умеешь, но... не монгол! – успокаивая сам себя, шутил князь. – А немонгол не может быть вождем монголов!

Если бы он только знал, насколько глубоко ошибается...

Мы вновь сидели в том же маленьком кафе. Я попросил официантку убавить музыку и принести вино. Лана пила только красное словно кровь, так же как и я предпочитая сухое французское. Хотя, как оказалось впоследствии, кровь она пила с неменьшей охотой, особенно человеческую, но обо всем в свое время.

Наш разговор шел неспешно, она уже привыкла к тому, что я держу ее ладони в своих, когда отвечаю на урок. Впрочем, уроками паши беседы по-прежнему являлись лишь для нее, мне было просто интересно с ней разговаривать. А может, я не ощущал тогда, как незаметно и бесповоротно меняюсь с каждой нашей встречей...

Знаете, есть женщины, о которых думаешь: ну вот дура душой, зато какая грудь! Или наоборот: так приятно пообщаться, но не приведи боже, если эта ученая мымра полезет на тебя с поцелуями!

Лана не являлась в этом смысле золотой серединой – она была воплощенной гармонией ума и тела. И я бы солгал, говоря, что чему-то отдаю предпочтение...

Что такое Добро?

Любой поступок, поднимающий твою душу на новую ступень любви к Богу, – объясняла она. – Или самый первый шаг на пути к познанию Великого Абсолюта. А если еще проще, это то, за что ты никогда не испытаешь чувства стыда перед самим собой. Прочее зависит от уровня развития твоей души в момент совершения этого поступка.

Что же такое Зло?

То же самое с точностью до наоборот. Грань между ними настолько тонка, что не всегда угадывается неподготовленными, но она, несомненно, существует.

А как же общепринятая китайская теория об инь-ян как единстве и взаимопроникновении Света и Тьмы?

Нарисуй, – попросила она, и я легко изобразил на красной салфетке схематический круг, привычно деля его на две каплевидные половинки. Одна символически считалась белой, другую я заштриховал черным.

Что видишь? – чуть сощурилась Лана.

Ну что они перетекают друг в друга и могут взаимозаменять добро – злом, свет – тьмой, черное – белым и наоборот...

Ошибка. Закрой глаза, – потребовала она, и я ощутил в кончиках ее пальцев начавшие пульсировать тонкие токи крови. – А теперь представь это себе, посмотри своим внутренним зрением, как именно две эти капли движутся в круге.

Мне понадобилось меньше секунды, чтобы осознать – они не смешивались! Никогда! Они могли стать на место друг друга, но добро от этого не переставало быть добром, а черная кайля, перебежавшая на место белой, оставалась все так же черна по самой своей сути! Древний знак говорил о вечном поиске гармонии Света и Тьмы, но ни в коей мере не смешивал и не подменял одно другим в угоду оправдания чисто человеческих заблуждений...

– Ты все понял. Можно мне еще вина?

– погоди, – перебил я, перебивание поцелуем у нас только поощрялось. – А теперь объясни, пусть я даже принял твою теорию инь-ян на веру, но... Но! Кроме деления на черное и белое в обеих каплях присутствует по маленькой точке взаимопротивоположного цвета. Разве это не означает, что в каждом добре есть немного зла, а в каждом зле немного добра?

У нее на мгновение стал абсолютно мертвый взгляд. Казалось, все кафе накрыла звенящая волна неземного холода. Мой невольный выдох замер облачком пара, Лана подняла на меня глаза, и я впервые не увидел там своего отражения – только лед...

– В каждом добре – зло, в каждом зле – добро?! Хочешь знать, как у меня появился первый мужчина? Я ведь росла очень домашней девочкой, читала умные книги, гуляла с мамой и ходила в музыкальную школу. А в четырнадцать лет меня встретили на улице шестеро подонков... Когда меня отбили прохожие, ту рваную, окровавленную тряпку, что от меня осталась, едва спасли в больнице. Мне причинили огромное зло, так? Но для тех... скотов это было добро. Я могла утешаться тем, что в моем зле есть капля добра, да?

– Где они сейчас? – Я не узнал свой голос, он был хриплым и дрожал от нервного напряжения.

– Их нет. Ни одного. Они умерли без мук. И это уже моя капля добра в большом зле для них! Но они знали, кто их убивает и за что. Теперь ты чувствуешь всю фальшь и ложь, которую вкладывают в эти понятия люди? И для скольких таких девочек смерть стала большим добром, потому что избавляла от всех мук, от боли, стыда, разочарования, презрения, с одной лишь каплей зла...

– Шесть могил?

– А ты бы предпочел одну мою?!

– Нет, но...

– Не надо! Минуту назад ты был готов убить их сам...

– Мне нечего было ответить. Я лишь попробовал вновь коснуться ее пальцев. Она отняла руки...

– Зачем я тебе такая?

– Не знаю... – Я действительно не знал. У меня больше не было однозначных ответов, как не было и многозначительных вопросов. Мне не предлагалось золотых гор, силы, власти, могущества, но я шел за ней по велению ее ресниц, не торопясь, шаг за шагом, через сожаления и боль, которую она неуловимо легко умудрилась сделать только моей. Я ощущал каждый ее вдох, словно дышал порами ее кожи и видел мир через призму ее хрусталика...

Наверное, тогда и возникла впервые ответная необходимость знать:

– А зачем я тебе нужен?

...В Даурии меня называли деспотом и маньяком. И то и другое смешно, ибо я не был ни тем, ни другим. Да, мы безжалостно расстреливали красных, и никто не мог убедить меня, кадрового офицера, действовать иначе... Даже американцы!

Но, барон, разве ваши расстрельные приказы не переходят границы разумного?

После того как большевики по приказу Ленина и Свердлова безжалостно расстреляли невинных детей семьи последнего российского императора, прервав трехсотлетнюю традицию правления рода Романовых, о каком милосердии может идти речь?! Я не позволю русскому хаму захватить всю Россию...

Но гораздо больше Америки в нашем противостоянии Советам была заинтересована Япония. Недавний враг стал самым преданным союзником Забайкальского фронта! Только в армии атамана Семенова их было не меньше тысячи штыков.

А гнусные речи о моем безумстве... В основном их распространяли всякие штабные крысы, интендантские и комендантские проверки. Я презирал их, честно предупреждая в лицо: – Господа проверяющие, еще шаг – и ваши отчеты повиснут на штыках Азиатской дивизии!

Думаю, те же мерзавцы немало способствовали и началу хождения страшных слухов о том, что тела повешенных красных партизан мы не хоронили, а выбрасывали на сопки, где этой падалью занимались волки. Возможно, в этом была частичка правды, я не следил за действительностью расстрельных команд, я отдавал им приказы.

А мистические истории о том, что я якобы люблю ездить ночью верхом, в одиночку, по сопкам, среди разбросанных костей, под аккомпанемент волчьего воя, создавали мне нужную славу среди моих верных бурят и монголов князя Фушенги. Они боялись и боготворили меня...

Хотя лично я не находил ни малейшего упоения в пролитии чьей-либо крови. Я убивал врагов. И пусть убивал много, но лишь исходя из реальной необходимости и чувства долга перед Родиной и собственного взгляда на будущее Великой России! Но в те смутные времена каждый считал себя вправе думать так же...

Барон, атаман Семенов просит указать количество сабель в вашей Азиатской дивизии.

Это неизвестно.

Но должны же быть какие-то штабные отчеты?

Азиатская дивизия в Даурии подотчетна только мне!

...Она не ответила. Притянула меня к себе, страстно поцеловала в губы, жадно лаская язычком мое небо. А мне всегда нравился вкус ее поцелуев, он был естественен словно собственное дыхание. Не уверен, что смогу объяснить это как-то доступней. Ну примерно как если бы я целовался сам с собой. Я ни на миг не ощущал ее губы чужими, даже не мог сказать, какие они на вкус, – все было НАСТОЛЬКО родным, что любая словесная формулировка казалась бы надуманной и фальшивой, а главное, абсолютно неточной.

Лана знала это. Она словно бы впитывала меня поцелуями, не разрушая, не восполняя, а гармонизируя две наши жизненные энергии в одну. Мы были похожи на две свечи, пытающиеся обняться язычками пламени, и огонь поцелуя срачивал их воедино, не пережестывая, не гася другого и не пытаясь за счет слияния стать сильнее и выше. Это удивительное ощущение родства, восполнение нехватки воздуха, возрождение единства или воспоминания о единстве прошлом. Но не на уровне душ. В этом случае наши поцелуи имели бы иную окраску... А в нас полыхал огонь плоти!

Хотя на мой вопрос она так и не ответила. И не буду врать, будто бы я не заметил этого. Так же как она прекрасно понимала, что настанет час и мы оба еще вернемся к этой теме.

Когда... все это со мной произошло, я пришла в себя в больничной палате. Боль физическая была ничем в сравнении с той болью, что кипела в моем сердце, выворачивая меня наизнанку и заставляя выть сквозь зубы, словно недобитую волчицу, на глазах которой охот-

ники медленно, с прибаутками разбили о стволы деревьев головы ее волчат. И вот тогда я встала ночью у раскрытого окна и позвала ЕГО.

– Господа? – не подумав, спросил я. Хотя какой Господь мог допустить такое...

К моему немалому удивлению, она не обиделась, не рассмеялась мне в лицо, а лишь очень тихо ответила:

– Нет. Я позвала другого. И тот, другой, откликнулся сразу. Я пообещала ему все, если он даст мне возможность отомстить этим подонкам. Договор был заключен. Без бумаг, печатей, подписей кровью. А может, и нет, так как в тот день я уже пролила свою кровь... Он просто принял ее в зачет. Наутро я сняла с себя крест и оставила его в больничке. Теперь серебро непонятным образом жгло мне кожу...

– Что было дальше?

– Зачем тебе это знать? Ты еще можешь уйти... Я не держу, и ты сам потом будешь презирать себя, если останешься со мной, такою...

Я молча поцеловал кончики ее пальцев. Лана избегала смотреть мне в глаза. Ее голос не дрожал, а на ресницах не замерли набежавшие жемчужинки слез. Ничего такого уж супермелодраматического не было вовсе. Я просто чувствовал ожог ее души всем сердцем, всей корой мозга, и это было так мучительно, что зубы начинали крошиться, и я опомнился, лишь почувствовав во рту соленый вкус собственной крови.

Уверен, что и она почувствовала это. Потому что через мгновение ее язычок в долгом поцелуе жадно слизнул кровь с моих десен! Тогда я еще не знал, что эту «влагу жизни» она пьет ежемесячно, как вампир, платя за нее реальные деньги...

И куда теперь движешься ты, вверх или вниз?

Это понятия относительные, когда тебя ведут путем посвященных. Тьма держит всех нас в той или иной степени, посвящая в определенные знания. В любой религии человеку достаточно лишь веры, а мы – знаем...

Но истинно верующие способны творить чудеса, недоступные даже посвященным, – кивнул я. – Вспомнить хоть поединок святого Петра с Симоном-магом.

Симона держала в небесах та же сила, что держит и нас, – согласилась она. – Маги, колдуны, ведьмы и прочие посвященные сильны именно неверием верующих. Поэтому мы управляем вами. Прости за честность... Ты спрашивал о том, почему именно ведьмой? Ведьма – единственная из всех, кто может творить добро под маской зла. Мне часто приходилось спасать людей, снимать родовые проклятия, срывать судьбы. Но за добром всегда следует наказание. Оно бывает разным, от чисто материальных потерь до грубой физической расправы. И дороже всего я плачу за наши встречи с тобой...

Головные боли от застарелого шрама времен Русско-японской войны все более и более сводили меня с ума. Это была дурацкая дуэль, последствия которой я ощущал на себе до самой смерти. Быть может, именно эта боль и сделала меня тем, кем я стал...

Мой бывший сослуживец и благодетель и не предполагал, как страшно он обманывается, доверив мне всю Даурию. Я поступил с ним, как того требовало реальное положение вещей. Ибо в политике нет союзников, есть только интересы. Первый шаг – формирование своей собственной армии. Второй – ее полное и безоговорочное подчинение, с безжалостным контролем и жестокими телесными наказаниями. И третий, быть может самый важный, женитьба на настоящей китайской принцессе, восходящей к династии Цинь!

– Где вы раздобыли такое чудо, барон?

Этому немало способствовали мои связи с монгольскими вождями Халхи. Но не стройте иллюзий, господа, я вряд ли буду заботливым мужем и отцом. Мир ждет от нас иного. Только очистительный ветер с Востока способен искоренить красную заразу с нашей многострадальной Родины, и новые армии азиатов пройдут под моими знаменами от Амура до Невы. Мы построим на землях Внешней Монголии новое государство, мы возродим великие династии,

мы передадим свет Тибета потерянному двуглавному орлу, и буддизм станет религией будущего...

А как же большевики?

С большевиками мы будем говорить только на одном языке – на языке смерти!

...Логичное развитие наших отношений рано или поздно должно было привести к постели. С моей стороны было бы полным идиотизмом врать, будто бы наши встречи ежеминутно являли миру образцы редкого целомудрия. Разумеется, нет...

И я и она были нормальными молодыми, здоровыми людьми с правильной ориентацией и естественными потребностями. Хотя не уверен, можно ли называть секс естественной потребностью организма? Возможно, что и да (мало ли примитива на свете?), но мы не занимались сексом. Впрочем, как и не занимались любовью. Прошу прощения, я окончательно запутался...

Если это был секс, то самый возвышенный, романтический, нежный, разнообразный и до предела насыщенный любовью в ее безусловном восхождении к небесам. Если же это была любовь, то, несомненно, дикая, неуправляемая, жадная до кровавых царапин на коже, хлещущих ударов и немыслимой звериной страсти.

Однажды, едва ли с трудом оторвались друг от друга, она простонала:

– Знаешь, что ты делаешь это, как Зевс?

Я не нашел лучшего ответа, кроме как вновь усилить напор. Ее атласная кожа плавилась под моим ладонями, а ноздри мои раздувались от сладковато-соленого запаха женской плоти. Не знаю, как другие, но я всегда понимал желание не по глазам, а по запаху. Я совершенно не разбираюсь в аромате духов, цветов или вин. Не принадлежу к изощренным гурманам и болезненным эстетам, но запах желания женщины угадывался мною мгновенно и безошибочно.

Лана была изумительна в постели. Мне не с кем ее сравнить, я и не пытался бы передать своим ограниченным словесным запасом всю ту невероятную бездну ощущений, которой она накрывала меня, словно морская волна, вылизывающая песчаный берег. Ее хотелось всегда. В момент ожидания встречи, при первом поцелуе, в самом акте, после него, уходя домой, всю ночь дома, весь последующий день и так далее.

Пару раз мне в голову приходили мысли, что она меня просто заколдовала. Она, смеясь, отрицала это. Да и я сам отлично знал, что остаюсь рядом с ней по собственной воле. А любить ведьму и больно, и сладко, и страшно...

– Как ты выбрала путь?

– Это несложно. – Лана поудобнее улеглась у меня на плече, поднимая фужер с красным сербским вином, мой подарок. – Тебя находят. А потом предлагают выбор. Я довольно долго ходила в Наблюдателях.

– Что-то вроде послушника в монастыре?

Не совсем. Послушник точно знает, что его ждет. Он либо будет принят в братство, либо его сочтут более подходящим для мирской жизни. А Наблюдатель не знает ничего. Он лишь смотрит на поступки Старших и пытается определить, к чему более лежит его душа. Но вмешиваться он не вправе, что бы ни увидел!

– То есть ты насмотрелась многого?

– Не иронизируй. Видеть смерть человека и не пытаться спасти – очень непросто. Меня провели всеми дорогами, пока я поняла свой путь...

Что ты выбрала?

– Угадай.

– Путь богини? – наугад бросил я, заранее зная, что промахнусь.

– Ошибка, – ровно подтвердила она, делая глоток. – Путь ведьмы.

– Ты еще и колдуешь?

– Я делаю многие вещи, о которых ты не имеешь представления. Могу вылечить туберкулез или рак, заглядывать в прошлое и будущее, могу снять родовое проклятие, поправить судьбу, спасти...

– А что еще?

– Могу наслать болезнь, отнять мужчину, навести порчу, поставить барьер, убить. Последнее проще всего...

– Так ты черная или белая?

– Не знаю. Этого я еще не решила. Мой выбор не предопределен, но, куда бы я ни качнулась, это не вернет мне душу. Если я погрязну во зле, дьявол примет ее с радостью. Если всю жизнь буду творить добро, то он заберет ее с вождением. В любом случае он получит мою душу, так какой смысл ограничивать себя черно-белыми критериями? Разве так уж важно, какие обои в комнате, чистые или грязные, если сама комната все равно сгорит в огне...

Лана сжала мои пальцы, и на мгновение в ее голосе послышались рыдания. Я протянул руку, касаясь ее щеки. Кто бы говорил, что она выплакала еще не все слезы...

– Не вздумай меня жалеть.

– Почему?

– Ненавижу жалость. – Она тряхнула русыми волосами и пристально посмотрела мне в глаза. – Ты что, совсем не знаешь других способов привести женщину в чувство?

Один я знал. Чем мы оба и воспользовались в полной мере...

Урга! Главный город Монголии, ее священное сердце, религиозный центр и резиденция самого Богдо-гэгена. Затерянная в степях, окруженная песками, воспетая бродячими ламами, шумная, дикая и некогда вольная...

Урга! Захваченная, униженная, оккупированная тысячами китайских солдат. Она манила меня, как сокровища неизведанных земель манили отважных конкистадоров, не признающих над собой ни людских, ни божеских законов и верящих лишь в то, до чего можно дотянуться кончиком копья!

Урга! Она искушала, соблазняла, звала меня, заставляя даже во сне повторять свое имя, ибо тот, кто владеет Ургой, владеет и всей Монголией...

Старые монахи в желтых халатах молились за победу нашего оружия. Все дацаны в один голос предсказывали, что именно «белый генерал» великого русского царя освободит страну от китайцев. То, что государя императора уже не было в живых, никого не волновало, так как в буддизме нет смерти. Есть лишь череда бесконечных перерождений, но в этом скрыт великий смысл, а значит, нельзя плакать ни о чьей судьбе...

И я, человек, прошедший несколько войн, смотревший в лицо опасности, знающий не понаслышке, как остывает пуля в собственном теле, полностью разделял убеждения смуглых лам.

Смерти нет! Что такое смерть, если бессмертна душа? Что такое жизнь, как не мимолетный взмах крыльев мотылька в вечном круговороте бытия? Что такое бытие, если его определяет скорость движения шальной пули, пущенной неизвестно кем в неизвестно кого?

Мои люди не понимали этого. Но им некуда было бежать: весь край за кордоном контролировали красные партизаны и комиссары. Я держал свою армию в узде лишь безжалостной дисциплиной и жесточайшими телесными наказаниями. Думаю, что меня боялись больше, чем ненавидели, и лишь это спасало мою жизнь в этом кровавом мире.

– На Ургу!

...Смерти нет, господа, смерти нет...

В кафе она пришла позже меня, задержавшись на добрых полчаса. Причин могло быть много – спрашивать долго, упрекать бессмысленно, обижаться глупо. Повторюсь, если и был

человек, которому она давала отчет о своем поведении, то это не я. А мне в тот день бросилась в глаза ее необычайная бледность и холодность губ. Обычно они всегда были теплыми, даже если она забегала с мороза.

– Только вино, красное, много.

– Что-то случилось? – уточнил я, делая заказ. Лана кивнула, но не проронила ни слова, пока почти залпом не выпила целый фужер. Потом ее взгляд смягчился...

– Тебе обязательно это знать? – Она опустила ресницы и тихо продолжила: – Да, мне очень плохо. Четвертый день задерживают поставку крови. Мне надо. Я уже скоро на людей бросаться начну.

– Ты ничего не говорила об этом раньше...

– Так вот теперь говорю! И не смотри на меня, как на вампиру из дурацкого кино. Я не вампир. Просто... В общем, когда проходишь обряд посвящения, то тебе изменяют сознание, а зачастую и саму структуру организма. Я выбрала путь ведьмы. После инициации меня пытались привести в чувство, но я не реагировала до тех пор, пока мне не влили в губы глоток крови... Это было похоже на всплеск огня, какой-то внутренний ожог всего тела! Один из Старших с сочувствием сказал, что теперь я обречена – вкус крови не забывается и не стирается с языка никогда. Я пью ее раз в месяц. Иногда чаще...

– Человеческую?

– Да. Я пила и говяжью, и свиную, и баранью. Свиная, кстати, максимально похожа по вкусу на нашу. Но человеческая кровь сильнее и насыщенней. Покупаю на станции переливания крови, у знакомых врачей. Дорого, но с гарантией, что не подsunут кровь какого-нибудь бомжа. Разные группы дают разные вкусы, я предпочитаю первую.

– У меня первая, отрицательный резус, – автоматически отметил я.

– Ее глаза вновь похолодели, она молча выпила мой фужер. Я наполнил их вновь...

– Ты уверена, что это заменит?

– В определенной мере.

– Давай я закажу еще вина и гранатовый сок, а ты продолжишь о шабаше. Надеюсь, это не слишком секретная информация?

Лана улыбнулась и протянула мне руки. Сначала я просто грел ее пальцы щекой, дыханием, поцелуями. Потом начался рассказ, нервный, обрывочный, местами невнятный. Возможно, она не была до конца уверена, что я все пойму как надо.

– Ничего подобного, я вообще не уверена, что ты хоть что-то поймешь. И не ври, что сейчас думал о другом. Легко угадать мысли мужчины, когда он пялится на твою грудь, но, когда ты вот так сдвигаешь брови, это значит, что истина для тебя нуждается в доказательствах. А я ничего доказывать не намерена.

– Почему?

Потому, что ты заранее путаешь ведьмовской шабаш и сатанинские оргии. Мы не ходим там голыми, не едим жареных младенцев, не целуем в зад чучело черного козла и не занимаемся свальным сексом. Шабаш – это ритуальный обмен опытом, привлечение новых членов, получение духовных практик, выбор Старших, утверждение неких планов общих дел. Ну что-то вроде ежеквартальных сборов-отчетов.

– И что, никаких случайных людей? – не поверил я.

– Случайные люди есть везде, но мы не допускаем их до мастерства. В большинстве своем это ряженые идиотки и слюнтявые мальчишки, мы используем их как стадо для восполнения своей энергетики. Без баранов нам, волкам, нельзя... Всем управляет совет, им руководит ежегодно выбираемый Старший. Он равен нам, членам совета, но более подходит для чиновничьей рутины. Я лично ни за что не хотела бы быть Старшей или Верховной – зачем мне эта головная боль?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.